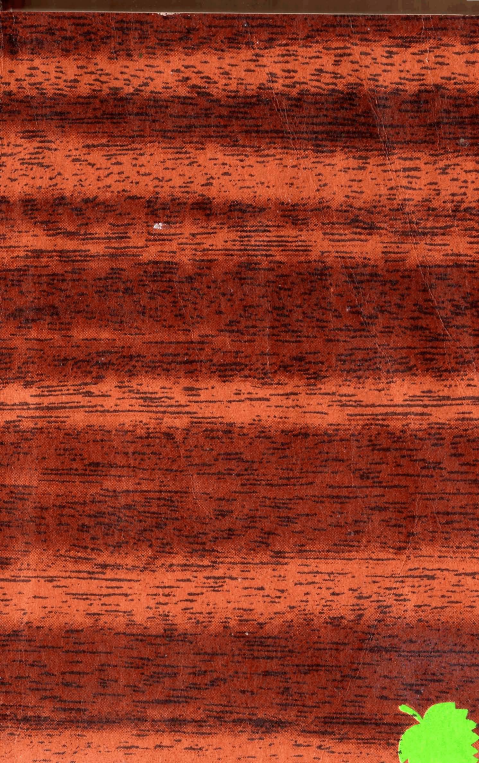

**Виктор
Баянов**

ГОСТЬ

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1976

Виктор
Баянов

Библиотечка
Ленинградской области
г. Ленинград
Библиотека
ул. Авангарда
16/хизб

ГОСТЬ

СТИХИ

Художник Г. И. КРАВЦОВ

* * *

Вот и опять поосенело,
Как все века, как все года.
Сливаясь с небом, посинела
Во Ильмень-озере вода.
А на воде — обрывки чалок,
Обломок старого весла,
Да стаи лодок, стаи чаек,
Да золотые купола.

А над горой, такой покатою,
Трезвонит ветер в три струны,
Что прибыл к торгу гость богатый
С сибирской дальней стороны.
И впрямь — легка моя походка,
Кудрявы волосы мои.
И лодки мне — уже не лодки,
А птицегрудые ладьи.
Но не меха при мне, не бочки,
В которых брага медова.
При мне одни лишь только строчки,
Одни заветные слова.
Сибирь на песни не скупая.
И я в себе их не Там —
Я их втридорога скупаю,
Потом задаром раздаю.
И не найду удачи краше,
За..... в мечтаньях далеко —
Лишь слушали б меня, как раньше
Когда-то
слушали Садко.

* * *

Мы знаем очень много. Это верно,
Мы мудрость накопили за века.
Но отчего грустна у речки верба
И отчего рябина так горька?

Кто мне расскажет?
Все твердят: — Об этом
Поэты нам поведали давно.
Все это так. Но полностью секрета
Мне не открыли книги все равно.

Уеду я в деревню к тем рябинам
И распроту, не ради злой молвы,
У девушки, обманутой любимым,
И у седой стареющей вдовы.

Мне кажется, они ответят верно,
Как не ответят книги за века —
И отчего грустит над речкой верба,
И отчего рябина так горька.

* * *

За рекой талиновой, за мельницей
Земляником крашены ХОШМ
Век ничто, казалось, не изменится —
На деревья, ни земля, ни мы.
Буду проходить короткой улочкой,
Чтобы к речке выйти поскорей.
С довоенной, береженной удочкой.
Вечною грозю пескарей.

И на зорьке,

персе одуванчика,
Будет вслед смотреть мне

каждый раз
Девочка в цветастом сарафанчике
С жаркими веснушками у глаз.
Ветерок займется и уляжется
В тень под тальники да тополя...
Что ж, ничто не изменилось,

кажется,

И деревья те же, и земля.

Только я бываю здесь наездами.

Покидая душный летний дом,

Ночи коротаю под навесами

На клубничном сене молодом.

Только приобрел другие удочки

Все на тех же вечных пескарей.

И спешу по той же самой уносре,

К той же речке выйти поскорей.

И, зарею утренней просвечена,

Там, где домик низок и угласт,

Мне вослед подолгу смотрит

женщина

С первыми морщинками у глаз.

* * *

Жизнь течет...

Сдается зимушка весне.

Лед ломается на Северной Двине,

И несется от саженных белых крыг

По округе то ни скрежет,

то ли крик.

Далеко передо мною — льды и льды.

А на льдинах все —

следы, следы, следы.

Каблучки вбивала женская нога,
Рядом след потяжелей — от сапога.
Так и вижу, как идут, тропу торят
И о чем-то вполусшепот говорят,
И вокруг себя не видят ничего,
Только видят — он ее, она — его.
Дальше... Дальше очень

грустные дела —
Между ними змейкой трещина
прошла,
Расколола, развела по сторонам,
И следы на разных льдинах —
по волнам...

Может, все не так, как я сужу-ряжу,
Но с реки я погрустневшим уйду.
Будто это по моей сейчас вине
Лед ломается на Северной Двине
И несется от саженных белых крыг
По округе то ли скрежет,
то ли крик.

* * *

Мерзнут ноги, мерзнут руки.
Несговорчивый и злой
Ходит холод по округе,
Машет белоюолой.
Он таких снегов насеял,
Что до слез меня слепят.
На дороге сани с сеном
Мне о холоде скрипят.
Я уйду от тех сугробов,
Я уйду от тех возов.
Я от холода попробую
Закрыться на засов.
Только знаю, Не согреться
И в натопленной избе:
Все равно напомним сердцу
Зимний холод о себе.
Не продрогшими возами,
Не сугробом у плетня,
А любимыми глазами,
Разлюбившими меня.

ВСТРЕЧА

Сучки, как будто бородавки,
На чистом, скобленном поау.
Смолой сосновой пахнут лавки,
Подбелка свежая в углу.
В окно раскрытое заметней,
Как листья кружат во дворе.
Сама ж хозяйка в самой летней
И наливной своей поре.

Я шумно воду пью из кружки
И не в окно смотрю — левей,
Как гнутся тоненькие дужки
Почти девических бровей.
От них былому не начаться,
Хотя подковками легли...
Их брали многие на счастье,
Но счастья с ними не нашли.
Заглохла и мор обида,
Мне жаль их тоненький изгиб.
Но я, не подавая вида,
Спокойно вышел из избы.
А на крыльце, вздохнув свободно,
Я сквозь какой-то странный звон
Подумал: женщине сегодня
Приснится светлый-светлый сон.
Приснится осень, листьев шорох,
И кто-то из забытых лиц,
И стук мужских шагов тяжелых,
И скрип тесовых половиц.
Она проснется, выйдет в сенцы,
Поймет, что это снов игра,
И одиноко, с болью в сердце
Всю ночь проплачет до утра.

**Не скажет дорожная лента
И птицы, что в рощах поют,
За что это красное лето
Все издавна бабьим зовут.
Печально и неистребимо
Живет на Руси испокон
Пора возвращенья любимых
Из долгих походов и войн.**

Ждет женщина Мурна до снега,
А где-то лишь хрустнет шелом,
И конь за конем печенег
С пустым понесется седлом...
Поля полыхают багрово.
И в свой горемычный черед
Вот женщина ждет с Куликова,
А вот — с Бородинского ждет.
И матери наши недавно,
Чуть что — выходили из хат
И грустные, как Ярославна,
Смотрели на ясный закат,
Тревог и надежд не ослабив,
Верны на всю жизнь одному.
Вот лето, наверное, бабьим
У нас и зовут потому.
Прощальное, светлое лето
С кипеньем листвы на кустах.
А может, придумал я это?
А может, все это не так?
Но женщины вдаль из-за тына
Все смотрят, привстав на носки.
Ложится бело паутина
На их молодые вскин.

* * *

**«Из колодца вода льется,
Вода волноватая...»
У глубокого колодца
Стыну виновато я.
Потому, что песня — диво,
Да не мною сожена,
И, как первым снегом нива,
Грустью прапорожена.**

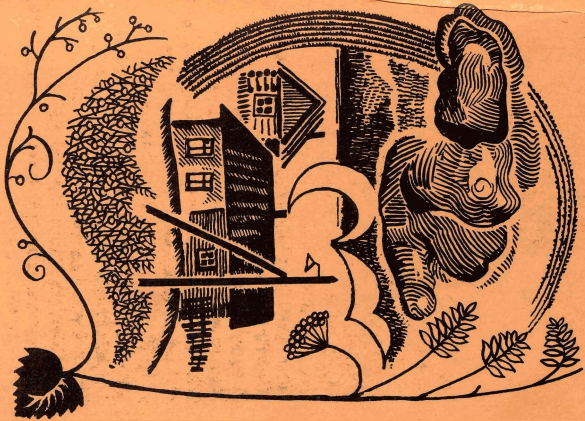

**Вот идет она с ведрком
В светлом платье простеньком,
Будто тонкая кедерка
По таежной просеке.
Ей легко еще покуда
Мять густую травушку.
Никакие пересуды
Не коснулись краешком...
Гаснет день. Дымятся трубы.
Дым плывет, качается.
У колодезного сруба
Песенка кончается.
И, как в песне той поется,
На траву примятую
Из колодца вода льется,
Вода волноватая.**

* * *

Год назад стоял такой же вечер,
Так же были сумерки густы.
Неуемный забияка-ветер
Обдирал заречные кусты.
Ободком оброненного перстня
Месяц чуть поблескивал В Bone.
И бродила редколесьем песня —
Я такой не слыхивал нигде:
«На пригорках травы порыжели,
Схолодела в реченьке вода,
Неужели, милый, неужели
Не вернешься больше никогда?»
Вспоминаю вечер тот полынный,
Всматриваться в сумерки устав.
Пахнет переспеаом калиной,
Пахнет соком молодых отав.
В колее осенней вязнут ноги.
И, не знаю, тот или не тот,
За кустами голос одинокий
Все зовет кого-то и зовет.

За пределами российскими
Все века живет молва,
Будто самая росистая
По утрам у нас трава.
Будто, смяв былинки хрусткие
На заре ногой босой,
Для красы девчата русские
Умываются росой.
Будто в пору сенокосную,
Коль любовь в груди крепка,
На отавы ходят росные
Женщины до сорока.
Да и сам не раз я видывал
В росах женщин пожилых
М любви их завидовал,
И наивной вере их.
Но ни разу не обмолвился —
Не вернуть, мол, вам красы:
Пусть подольше верят в молодость,
В свойства чудные росы.

Дом как дом. Цветы да занавески.
Я его пороги обивал.
В этом доме я себе невесту
Много лет назад облюбывал.
На вечерках возле сельской лавки,
Я, смущенно опуская взгляд,
Для нее играл на балалайке,
Все сбиваясь на минорный лад.
Перезвоны рассыпал я густо,
И, во всем хозяину верна,
О моей бессоннице и грусти
Говорила первая струна.

* * *

У реки рябина вянет,
Чистая и строгая.
Кто б ни шел — пройдет, не глянет.
А проходят многие.
Я не знаю — тут наветы,
Мелкая ли ябеда,
Но никто с багряных веток
Не срывает ягоды.
М стоит она, страдая,
Под веселой зорькою,
И такая молодая,
И такая горькая.

**Все наветы, наветы, наветы —
Как осенние ночи, гугхе,
По наветам уходят невесты
И бросают невест женихи.
Постучатся наветы негромко,
А оглушат нас грома сильней.
Даже зорьки лучистая кромка
Вдруг покажется тучи темней.
И гармоники вечером поздним
Умолкают у сонной реки.
Только чудятся всюду по пожням —
Шепотки, шепотки, шепотки.
Стынет небо холодным навесом,
Дождь — под стать запоздалым
слезам.**

**Оттого, что поверишь наветам,
Не поверив любимым глазам.**

* * *

Дождь перестал, как по указке,
Прогнозам всяким вопреки,
И радуга, коль верить сказке,
Тянула воду из реки.
Потом и радуга потухла.
А от дороги в стороне,
Сняв парусиновые туфли,
Девчонка игга навстречу мне.
Идет себе, косынкой машет,
А в пальцах ног ее босых
Навязли звездочки ромашек
И колокольчиков степных.
А птицы пели, прославляя
Косы нехитрое витье,
Но не открыли — кто такая
И как по имени ее.
Пусть встреча та — обычный случай,
Мне не сулящий ничего,
Но я с надеждой самой лучшей
Жду повторения его.

* * *

Бойся, Анна, слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, КЮЮ странно
Незнакомо стукнул в дверь.
Твой бродяга, твой отхоаннк
С полной сумкой за спиной —
Твой удачливый охотнк
Возвращается домой.

Он твой забросит ситцы,
Он не то тебе добыл —
Для тебя в тайге лисицу
Черно-бурую убил.
Только входит он сурово,
Словно кедр, высок и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.
Ох, умаяла дорога
Через горы и флага,
Ох, заметил у порога
След чужого сапога.
Ох, заметил след неяркий,
Потому не ест, не пьет,
Драгоценные подарки
Из мешка не достает,
Не глядит На молодую
И, натуре вопреки,
Клонит голову седую
На большие кулаки.

ТАНЦЫ НА МОСТУ

Перила новенькие в глянце,
Сосною тянет за версту.
В разливе май, в разгаре танцы
Среди деревни на мосту.
Весна!

Картинно став на кромку,
Как у любимой под окном,
Терзает новенькую хромку,
Слегка куражась, агроном.
Сам подпевает ей с присвистом,
Забыв о первой борозде.

И кружат звезды в небе чистом
И те же самые — в воде.

Гудят сосновые подмости,
Танцует юность и поет.

Мне за отбитые подметки,
Наверно, завтра попадет.

Зато душа моя не тужит,
Зато опять дружу с весной.

И вечер звезды кружит, кружит
И надо мной и подо мной.

Теперь не знаю — в шесть ли,

В семь ли,

А может быть, чуть-чуть поздней,

Я полюбил вот эту землю

И все цветущее на ней.

Иные равнодушны к рощам,

А мне бы снова в дебри те,

Где я учился между прочим

И красоте, и доброте.

Я пил прохладный сок березы

В старинных русских туесах.

И оттого мой чуб — белесый

И зелень легкая в глазах.

И вот теперь, большой и взрослый,

Я вижу, что неотделим

От этой теплой, этой росной,

От русской утренней земли,

Где молодое семя косят,

Где ветка каждая цветет.

Земля моя меня не бросит

И никогда не подведет.

В ней что-то есть от прожитой беды.
А мы отцов в те годы не видали,
Полураздеты были и худы.
Я помню, как упала лошадь в согре,
Как по района еге добрались,
Где целый час крутил меня фотограф
И добивался: «Мальчик, улыбнись».
И чтобы он меня не дергал грубо,
И чтоб снимать меня не расхотел,
Я улыбнулся ясно и беззубо,
Н он таким меня запечатлел.
А вот я мрачный на последних фото,
За кем-то взгляд внимательный
следит.
Как будто обижаюсь на кого-то,
Как будто я на целый мир сердит.
Я отношусь к ним строже все
и строже.
В альбомах или в рамках на стене,
Они всегда удачны и похows,
Но говорят неправду обо мне.

* * *

**Мы в детстве смотрели немое кино,
С утра мы у клуба торчали,
Без денег в кино не пускали, но
Шапчонки нас выручали.
Свою отдавал а, чтоб в Зап попасть,
Ее моя мама шила.
И я За нее всю первую часть
Крутил динамо-машину.**

Я первый крутил. Я сначала сидел,
Лихую показывал хватку.

Потом я вставал.

Потом я хотел

Забросить к чертям рукоятку.

Но очередь ждали друзья на погу,

Что был угрожающе шаток.

И кучей лохматой аехага в углу

Двенадцать мальчишеских шапок.

Я бросить не мог, свою слабость

кляня,

Не мог. показать, что робею, —

Ведь многие были меньше меня

И были, конечно, слабее.

Я смену сдавал в рубашонке сырой.

Мне шапка обратно вручалась,

И только тогда, уже частью второй

Кино для меня начиналось.

Не то теперь время. Не то сего.

Но думаю я очень часто,

Что в жизни и детство мое прошло

Пропущенной первой частью.

* * *

На обезлюдевшей окраине,
Где два холма, как два горба,
Вовсю воронами ограина
Мор мальчиночья судьба.

Весна.

Хрустит ледок, продавленный
Заиндевелым дном ведра,
И лихо пляшут на проталинах
Густые синие ветра.

Теплом исходит солнце набедно
Над незапаханным жнивьем.

А это значит — будет ягодно,
А это значит — заживем.

У месяца все тоньше лезвие —
Пойдут дожди того гляди...

Еще шоссейные, железные
Мои дороги — впереди.

И только сказки бурно радуют,
Пугает тьма в сырых аогах.

Да гонят спать.

Да звезды падают.

Да плачут цыпки на ногах.

* * *

Огни рассыпаны в гесу.
Огни, ну что м w делать с вами?
Как будто в дно шальной Мрассу
Вбивают золотые сваи.
Коростели пугают сов,
И ничего не слышно кроме.
Туда, на пх скрипучий зов,
Я перееду на пароме.
Я тоже сов пойду пугать
И лешим хохотать по рощам.
И будет на чем свет ругать
Мену зевающий паромщик.
К воде склоняются кусты,
Шумят а пенятся пороги.
А где и с кем сегодня ты?
И по какой идешь дороге?
Я в Горной Шории живу
И золотыми вечерами
Все жду тебя п все зову,
Как будто ты не за горами.

* * *

Мы шли таежною тропой.
Туманы землю остужали.
Деревья плотною толпой
Шумели, словно угрохана.
Я думал в дремной полумгле,
Придя к избушке чуть приметной,
Что нету места на земле
Мрачнее, глуше, неприветней.
Вошли. Под низким потолком
Дышало все приглядом женским.
Пахнуло печкой, молоком —
Забытым духом деревенским.
К нам вышла женщина. Проста.
Со взглядом сонным и стыдливым
И всер как будто налита
Медово-ягодным наливом.
И улыбнулась у стола
Улыбкой зыбкою и краткой,
Как будто все еще спааа
И сон досматривала сладкий.
Но, спохватившись как-то вдруг,
Заговорила часто-часто,

Что вот — одна. И что супруг —
Лесник. Он где-то на участке...
Еду вносила из сеней,
И запахи поляны росной
В избу врывались вслед за ней,
Легко клубясь, как пар морозный
И все — про мужа своего,
С любовью, скрытой в синем взоре
Словечки «мой», «у моего»
Тепло мелькали в разговоре.
Слова, которые она
Как будто сердцем излучала,
Хоть и дарила нам сполна,
Но все их мужу посвящала.
Муж подумал в полумгле,
В избе таежной, неприметной,
Что нету места на земле
Уютней, ласковей, приветней...
Мы уходили поутру,
И женщина, простившись строго,
Стояла молча на ветру,
Нас провожая в путь-дорогу.
Мы в город шли, в разлив огней,
Ее среди аеса оставляли,
Но не было в глазах у ней
Ни зависти и ни печали.

* * *

Иду большой, иду неловкий
По незнакомой стороне.
Спокойный свет печали легкой —
И надо мною, и во мне.
Печаль прогнать а не рпсгум —
Ведь все равно не прогоню.
Другим ее не растолкую
И сам себе не объясню.
Забуть ая сердцем вечно юным,
Что год мой дивный где-то там,
Между июнем п июлем,
Переломился пополам?
Что, отпылав сине да ало,
Отпраздновав скупой черед,
Пора цветочная привяла.
Пора грибная настает.

* * *

Ах, что со мною, что со мною?
Мой быт — не ягода с куста.
Нет-нет да за моей спиной
Шепнут: «Святая простота».
Бывает, встретят и похвалят,
И за меня поднимут тост.
Но тут же тоненько ужалят,
Мол, не поймет — уж больно прост.
Всему с улыбкою внимаю,
Молчанье трезвое храня,
Хоть их, быть может, понимаю
Поглубже, чем они меня.
Иду, спешу к заветным вехам.
Слова чужие бьют, как how:
— Когда ты станешь человеком
И простоту в себе убьешь?
Я не шумлю, я не лютую.
А в думах трудное, свое —
Не как убить ее, святую,
А как бы сохранить ее.

* * *

Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Где-то есть такие ж кедры
с соснами,
Где-то есть такие ж зимы
с веснами,
Горы есть со снеговыми шапками
И поселки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то,
очень местного,
Сердцу только одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним
случается.
Пробовал унять — не получается.

РОДНИК

Блестит вода, как в сказочном
копытце,
В замшелом срубе, вкопанном
в межу.

Я прихожу, чтоб из него напиться,
И как я встречей этой дорожу!
Ах, как приятно в тишине дремотной,
Средь дружески кивающих вершин,
Склонясь, наполнить влагой
искрометной

Видавший виды глиняный кувшин!
И пить, да так, чтобы не только
глотку

Струя воды внезапно обожгла,—
А чтоб она текла по подбородку,
Чтобы она за шиворот текла.

Кипит родник, воркует голубино,
Прохладой вея на клубничный ауг.
Над ним краснеет старая рябина,
Малина густо распоснась вокруг.
И все года, под ярко-алой зорькой,
На гладь воды, что, как саеса,
чиста,

Все падают — то плод рябины
горький,
То сладкий плод с малинова куста.

Нет, наблюдать не любишь ты,
Как дождь идет, дорогу тыча.
Ни для кого не рвешь цветы,
Не понимаешь пенье птичье.
Непостоянен ты еще
И очень гаух к добру и худу.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду!
Застыв, не ждешь ты никогда,
Что вот сосна сбежит с откоса,
Что вот русалка из пруда
Появится и выжмет косы.
Сто раз ты около протеа,
Не веря на в какое чудо.
Как хорошо, как хорошо,
Что я таким уже не буду!
Вот канет этот день во тьму
И вроде яблоньки-дичонка
К плечу крутому твоему
Прижмется трепетно девчонка.
Ты не узнал еще печаль
И сердца легкую остуду.
Семнадцать лет...
Как жаль, как жаль,
Что я таким уже не буду!

* * *

То частый лес, то чисто поле,
А я на ветровом бою
Пою, пою, пою от боли.
Пройдет — от радости пом.
Ведь если говорить по чести,
Не помню сам, с какой поры
Они живут со мною вместе —
Две непохожие сестры.
На перевал от перевала
Брели мы теменью лесной.
Одна со мною ликовала,
Другая плакала со мной.
Одна, как чаща, нелюдима.
Другая — солнце среди дня.
Но обе мне необходимы,
без них не стало бы меня.
Давно уж детство за спиною
И юность вышла из игры.
И лишь они всегда со мною —
Две неразлучные сестры.

* * *

**Изба МОЯ приветь меня,
Побалуи давней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем богу посааа меня попотчуй.
И над землей, и над водой,
Сквозь все удачи и оплошки,
Мне самой близкою звездой
Сиял огонь в твоём окошке.**

большой судьбе твоей теперь
Все так предпразднично, субботно.
Я в эту низенькую дверь
Когда-то проходил свободно.
Я был, как ты, и мал, и прост,
Был светом полевым просвечен.
И прибывающий мой рост
Вон, на венцах твоих отмечен.
На крыше — тот же дерн пока.
И с этой крыши многоцветной,
Под легкий шелест ветерка
Свисает колокольчик летний.
И спорым дождиком омыт,
Трезвоном наполняя уши,
Он мне о юности гремит,
Гремит от года к году глуше.
Изба, и летом, и зимой
Твой отсвет надо мной витает.
Стою, и рост отметить мой
Венцов сосновых не хватает.
И не могу унять теперь
Далеких лет степного звона.
И не могу я в эту дверь
Пройти без низкого поклона.

* * *

Я слушать никогда не уставал,
М пра саоеах: «А вот у нас был
случай...»

Я все свои забавы забывал,
Луга и лес над глинистою кручей.
Средь хмурых стариков-бородачей
Я на крыльце ютился, на ступенях.
М слушал робко рокот их речей —

* * *

Его я помню с самого детства...
Он ростом от меня не отстаёт.
Как он идет!

Нет, это видеть надо,
Как он с работы первый раз идет.
Его лицо еще бело и нежно,
Оно румянцем пышет горячо,
И старенький, красиво и небрежно,
Пиджак наброшен на одно плечо.
Вот, вызывая добрые улыбки,
Руками, что пока еще слабы,
Он пробует — крепки ли у калитки
Отцом когда-то врытые столбы...
Вдали — дымы из труб,
огней свеченье.

Припомнилась и мне моя заря,
И трудовое первое крещение,
И ясная погода сентября.
Еще — друзей завистливые взгляды
И то, как тепл домой, всю спета,
И то, как мать мне посреди ограды
На руки поливала из ковша.

* * *

Крутой подъем.
Дождя и снега помесь.
Кусты в мохнатом, медленном дыму,
А машинист
Вести тяжелый поезд
Помощнику доверил своему.
Я только уголь мог бросать
в раструску,
Рабочий стаж мой был предельно
мал,
И смысла неожиданной нагрузки,
Признаться, я тогда не понимал:
Мой старший друг
И сам был в полной силе...
М вот я сел за «правое крыло»,

За рычаги, которые хранили
Больших спокойных рук его тепло.
Шел поезд тяжело и напряженно —
Подъем был непомерно затяжной,
А машинист, в приборах отраженный,
Стоял все время за моей спиной.
Курил, как будто в полном

отрешенье,

И радовался, может, оттого,
что все мow, пусть робкие движенья,
Подсмотрены не где-то — у него.
Он тоже ждал,

Когда по всем приметам,
Увиденным за снегом и дождем,
Последним, круто вздыбленным

пикетом,

Мне покоряясь, кончится подъем...

Теперь через любую непогоду,
Какие бы мне грузы ни возить,
Я знаю, где прибавить надо ходу
И на каком уклоне тормозить.
И в сотый раз крутой подъем

встречая,

Поездку помня первую свою,
Я рычаги помощнику вручаю
И за спиною у Hero стою.

* * *

У станции цветов — каких угодно.
Я не спеша красу земную рву
И думаю наивно, что сегодня
Я без волнений всяких проживу.

Но на перроне шлак хрустящ
и порист.

Но график, как всегда, неумолим.
А женщина торопится на поезд
Со стареньким баульчиком свонм.

В ее глазах невыразимо синих
Какой-то робкий и тревожный свет.
И я спокойным быть уже не в силах,
И все смотрю — успеха или нет.

* * *

Устав от ветровых погудок,
Стоит береза на меже.
Еще не зимняя покуда,
Но и не летняя уте.

Ты на нее глядишь, родная,
И замечаешь, что она,
Листву пригоршнями роняя,
Почти совсем оголена.

И с летом ласковым прощаясь,
Ты пригорюнилась в избе.
Как будто гости обещались,
Да не приехали к тебе.

А рельсы, словно по ступеням,
Белесый излучая свет,
Бегут, сужаясь постепенно,
И где-то сходятся на нет.

Презрев болезни и простуды,
Ведя домашние дела,
Все рехе говоришь ты «буду»,
Все чаще говоришь «была».

Под полushалок прячешь проседь
И тем лишь, кажется, жива,
Что обо мне тебе приносят
Одни хорошие слова.

Живя доверчиво и просто,
Я не прошу иной судьбы —
Лишь чаще б видеть дом у моста
С куделью дыма из трубы,

Да под гором омут синий,
Да поле в балках и буграх
С березкою еще не зимней
На обжигающих ветрах.

Н в пухлый снег зарююсь головой.
Но я легко скольжу по белым

дюнам —

И не такую кручу взять бы мог!
Душа, как встарь, горит задором

юным,

И Того в жесткий собрано КОМОК.

Вот и долина. Ветер еае веет,

Да снег на солнце блещет, как слюда.

Наверное, теперь мальчишки верят,

Что я не упаду здесь никогда.

Не ухну так, что не увижу света,

Ломая молодые деревца.

Да что мальчишки. Сам я верю в это!

И буду твердо верить до конца,

Хотя и знаю, что придет минута,

Придет минута в очередь свою —

Лыжней, с горы свергающейся круто,

Рванусь... и на ногах не устою.

В чистом поле, где земля простая,
 Где лишь ветры носятся, пыля,
 Козырьком ладонь к бровям
 приставя,

Я спеху за летом журавля.
 Одинокость — кто ее не знает?
 Одинокость — кто ее поймет? —
 То ли она силы убавляет,
 То ли она силы придает.
 Вот летит

один,

крыла пластая,

Озирая рощу и жнивье.
 То ли он отстал в пути от стаи,
 То ли он опередил ее.
 И кричит над лесом поределым,
 Над притихшей речкою кричит.
 Он кричит всем напряженным телом
 Даже и тогда, когда молчит.
 Горло надрывается прямое,
 Синий воздух холодит бока.
 Может, долетит до синя моря,
 Может, до соседнего некра...

КАБЫРЗА

Кабырза, Кабырза,
Я видал воочию,
Как, дика ты и борза,
Валуны ворочаешь.
А у этой вот косы
Тихая ты, тихая.
Даже слышно, как часы
На запястье тикают.
Виснет веток бахрома.
Берега — опрятные.
Ну и пляжи! Задарма!
Почему не платные?

Я сейчас бы деньги — дзинь,
Чтоб с веселым оханьем
В стгу матовую синь
Окунуться окунем.
Ты сказать мне не вольна,
Речка окаянная,
Здесь речная глубина
Или океанная?
Может, здесь, вращая в дно
Под водой стоячею,
Острый камень ждет давно
Голову gorasym.

Я вот так

тропой крутой

Продвигаясь с доблестью,
Бит не рас недобротой,
Спрятанной за добротью.
Но не пап я перед ней,
Как дубок подточенный,
Только стал еще сильнее
И еще устойчивей.
Потому беру разгон —
Пусть беда встречается!
От прыжка от моего
Тальники качаются...

Не думать ни о чем теперь бы,
Когда сто троп во все концы
И предлагают в сограх вербы
Свои сережки-леденцы.
И жаворонки без умолку
Над всей родимой стороной
Трезвонят про твою помолвку
С самой красавицей весной.
Да, как легко под гимны эти,
Пусть ты их даже заслужил,
Забуть про все на белом свете —
И кем ты был, и где ты жил.

Но у лесистой низкой гривы
Тебе, шагающему в рост,
Вдруг бросит чибис: — Чьи вы?
Чьи вы? —

Один-единственный вопрос.
Он не поет, не красноречит,
Но сразу, как у кромки рва,
Тебя тревожно остановят
Те немудрящие слова.
Они стоять тебя оставят
У голубеющих излук.
Они припомнить вдруг заставят
Поволглый за деревней луг.
И домик, где ты плакал,
И речку, где сидеть любил,
В которой ты мальчонкой плавал,
Которую ты в жажду пил.
Поднявшись над раздольем нивы,
И в радостный, и в горький час
Тревожный чибис: — Чьи вы?
Чьи вы? —

Завидев, спрашивает нас,
Чтоб помнить мы не перестали
Под нашим небом иль чужим —
В каком краю мы вырастали,
Какой земле принадлежим.

* * *

**Ветер веет, не слабеет,
Подгоняет саночки.
Под гором голубеют
Проруби русарова.
Ветер сыплет колким снегом,
Выстывают горницы.
За твоим веселым смехом
Вьюга не угонится.**

От опушки от сосновой,
От четы березовой,
Ты бежишь на горку снова —
Розовая-розовая.
Из ледовых, видно, окон,
С глубины налимовой,
Оплескали тебя окуни
Водой малиновой.
А потом у тропки торной,
Под буянь буранную
Снегири о щеки терлись
Грудками багряными.
Нам смеяться, нам чудесить,
Чтоб сердца оттаяли.
Мы сегодня лет по десять
По домам оставили.
А кругом гудит, сверкая,
Молодая, светлая,
Неоглядная такая,
Ненаглядная такая
Сторона заветная!

* * *

За речкою — подать рукой —
Моя полянка-самобранка.
По темнолесью день-деньской
Идет сорочья перебранка.
Хожу среди глухих чащоб,
И, хоть дышу легко и юно,
В моей душе живет еще
Печаль военного июня.

* * *

Он нас встречал ворчливо:

— У, ягнята...

Жил на краю, где лишь кусты да
пни.

На всей земле у дедушки Игната
Далекой даже не было родни.

Была ли у него ссоа царевна

И долго ль шла одной дорогой с нум,

Никто не знал, поскольку на деревне

Не помнили Игната молодым.

Он поднимался раненько, до солнца,

И, нарядившись в шубу и пимы,
На лавочке у низкого оконца
Садился поджидать конца зимы.
Как будто на базарные обновы,
На санный путь, на черные аеса,
По целым дням дивились стариковы
Немало повидавшие глаза.
Пугливо жались воробьи к повети.
М сам он, горбясь жалко и смешно,
Мечтал о теплом недалеком лете.
И начиналось наконец оно.
Тогда он went в поречные низины,
Где молодой тальник роскошно цвел,
Срезал на выбор гибкие лозины,
Мурлыкал песни и корзинки плел.
Он прут пускал то колоском
пшеницы,
То змейкой вокруг березова ствола,
А то цветком. Любая кружевница
Ему бы позавидовать могла.
К земной красе невыразимо чуток,
Да и свое придумывать мастак,
Все лето он из прутьев делал чудо
М по деревне раздавал за так.
Стучал легонько в раму или ставень,
Уже натужно, тяжело дыша,

СТАРЫЕ ПЛОТНИКИ

Они еще воюют с бедами,
Не поддаются до поры.
Еще отточенные дедами
Не затупились топоры.
Недавно пенсия получена.
Так что ж, сидеть?
Свой двор мести?
И им правлением поручено

Чинить колхозные мосты.
Забудешь речку с вязкой тиной
И аромат земных паров —
Забудешь все, любуясь дивною
Работой старых мастеров.
Застынешь молча у обочины,
Глядишь, как яростно в брусок
Врубается топор отточенный
От сапога на волосок.
Всегда приветят подобающе,
С собой на свае примостят,
Достав зеленый, с пог сшибающий,
В больших кисетах самосад.
И не спеша на темы местные —
Рассевшись, будто бы на сак —
Нам разговоры интересные
И начинать бы в самый раз.
Но увидав, как с грузным кузовом
Машина тронется в объезд,
Они потупятся конфузливо
И подниматься станут с мест.
Докурят самокрутки с жадностью,
Чуть виноватый примут вид —
Моа, извини, дружок, пожалуйста,
Работа срочная СТОИТ.

* * *

Будет тихо и туманно
М по-летнему тепло.
Будет вновь Аким-и-Анна —
Очень странное сено.
Там деревья-великаны
Подбрали к речной косе.
Там про ружья да капканы
Разговаривают все.
Там, в шестой избе от края,
При зашторенном окне,
Разведенка молодая
Приготовит ужин мне.
И с печалинкой во взгляде
Скажет: — Дальше не ходи!
Впереди ночные пади,
Мост подгнивший впереди.
Ты подумай, парень, здраво:
Знают все окрест места,
Что живет худая слава
Восне этого моста.

Там разбились поезжане,
Там когда-то у скалы
Острым камнем каторжане
С ног сбивали кандалы.
Зверолова с лисьим мехом,
Приискателя с конем
Мост встречал варначьим смехом
Да тяжелым кистенем.
Там в зыбун глухой, холодный,
За колодины и пни
Завлекут тебя болотные,
Дрожащие огни...
Я забудусь на минутку.
Замечтаюсь,
И тогда
Станет сладко мне и жутко,
Словно в детские года.
Я увижу деревеньку,
Ветхий мост, где возле скал
Кто-то девку, кто-то деньги,
Кто-то гоносу терял.
И поверю в страхи-байки
Про трясины и песа,
Потому что у хозяйки
Очень синие глаза...

* * *

Там, где воды и ветра сшибка,
Почти ложатся на пески
Живущие легко и гибко
Молоденькие тальники.
И в той же речке отраженный,
Под тем же ветровым крылом,
Клен встал, прямой и напряженный,
Трепа негнушимся стволом.
Он крепок. Он в расцвете кроны.
Он видит очень далеко.
И даже легкие поклоны
Ему даются нелегко.

ВОДОПАД

Никогда не разбивал он лодки,
Не топил их, тяжело бурля.
Днем к нему веселые молодки
Приходили с горками белья.
Возвышалась мельница над кручей,
Как большая черная скала.
Там всегда бранчливой и скрипучей
Очередь мешочная была.
Мужики отряхивали куртки,
Поднимая облака муки.
В водопад ныряли их окурки,
Как черноголовые мальки.
Помнится, что по дворам в ту пору,
О тревожном, непонятном нам
Шепотком шуршали разговоры,
Точно тараканы по углам.
Лишь у водопада, на запруде,
Из-за шума слышные едва,
Говорились громко, всею грудью
Злые, наболевшие слова.
Я за то люблю его, как пруга,
Уто, стараясь шепот заглушить,
Он учил меня и всю округу
Только в полный голос говорить.

То ли вьюга будет мечь,
То ли цвель смородина.
Из каких-то дальних мест
Я вернусь на родину.
И спрошу свои края,
Заполночи, замежи:
— Как тут милая моя?
Мне ответят: — Замужем...
Сердце оплеснет водой
Ледяной, подледною.
Повстречаюсь с молодой,
Расспрошу подробнее.
Тропки-стежки у нее
Самые ли торные?
Белостенное жильё
Самое ль просторное?
Сразу ли, как завела
Вдаль дорога горькая,
Заскоблила-замела
Теплый след мой в горенке?
И еще спрошу без зла:
По какому правилу
Праздники себе взяла,
Будни мне оставила?

От туманного молозива
Река белым-бела.
Клены в зорьке светло-розовой
Купают купола.
И черемуха за пасекой
Поет на склоне дня.
У черемухи за пазухой
Сто песен для меня.
Будто сказочная дева,
Сердцу близкие слова
Выпускает то из лева,
То из праеа рукава.
Улетают песни с кручи,
Зажигая, secenn.
Жаворонками под тучи,
Перепелками — в поля.
В небе звездочка маячит,
Первая, вечерняя.
Может быть, она — моя,
Может быть, ничейная.

* * *

В двенадцать лет мальчишкам
редко
Туманит ясные глаза
Текучая, как наша речка,
Солоноватая слеза.
Они любую неудачу
Перенесут, крепясь тайком.
Они не чаще взрослых плачут —
Мужчины в возрасте таком.

И я, в ночи пи, спозаранку,
Припоминаю иногда
Те, На картошке н саранке,
Полусиротские года.
Я за войну привык к заплаткам,
Обнов выпрашивать не смел
И путал горькое со сладким,
Поскольку сладкого не ел.
Я рос характером — хеаесо,
С закваской песенной в крови.
Лишь не хватало до зарезу
Отцовской ласки да любви.
И ВОГ, не жалостливый с виду,
Тогда, в разгар войны самой,
Я привязался к инвалиду,
Что насовсем пришел домой.
Я перенял его осанку,
И — хоть гляди, хоть не гляди —
Медали из консервной банки
Звенели на моей груди.
Однажды я, светлея бровью,
С любовью, что отцу берег, —
С большой мальчишеской любовью
Перешагнул его порог.
Но он своим игрушки ладил
И забавлял их день-деньской.

Но он своих детишек гладил
Перебинтованной рукой.
Свистульки вырезал из серег,
Давал им птичьих голоса,
Меня же он так и не заметил
За долгих-долгих два часа.
И я ушел с его крылечка,
И мне туманила глаза
Текучая, как наша речка,
Совсем не детская слеза...
Теперь, когда мальчишка плачет,
Ничуть не чувствуя стыда,
Я не пройду: ведь это значит —
Стряслась серьезная беда.
Его беда — моя кручина.
Я в дождь и хлесткую пургу
Остановлюсь с НМД как с мужчиной,
И как умею помогу.

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Я жил и пасынком, и СМНОМ.
И крепко знаю оттого,
Как важно, чтобы хлебом
СЫТНЫМ

Не обделяли никого.
Покуда ветер злой не дунул,
Слеза не стала солона,
До тех я пор наивно думал,
Что хлебу — медная цена.
Была деревня,

детство,

хата,

Где, нас пугая и дразня,
Среди веселок и ухватов
Пыхтела пышная квашня.
Распахивались окон створки,
И от поджаренных краях
Нар, всей округою

на зорьке

Стоял крепчайший хлебный дух.
Но — громом раскололось небо.
И, охладив ребячий пыл,

Однажды мне не дали хлеба,
Когда он так мне нужен был.
Как мы ни слабли, как ни вяли,
Не половину и не треть —
Весь хлеб мы фронту отдавали,
Чтобы совсем не умереть.
И, утешая нас немножко,
Тогда, для постного стола,
Нам так готовили картошку,
Чтоб форма хлебная была.
Напоминая зло и горько
Про беспечальные деньки,
Хрустели вдавленные в корку
Березовые угольки.
Но я в застолье не охал
Иному взрослому под стать.
Вот только рос в те годы плохо,
Так, что теперь не наверстать.
И вот живу под небом снннм,
Желая только одного —
Чтобы на свете хлебом сытным
Не обделяли никого.
И каждый пусть себе отметит,
Пусть каждый в памяти хранит,
Что колос — не бренчащей медью,
А чистым золотом звенит.

* * *

Запорошило снегом плечи,
М все вокруг белым-бело.
Я жду тебя, хоть время встречи
Давным-давно уже прошло.
Бегут минуты — восемь, девять...
Дубеют шапка и пальто.
Куда пойти и что мне делать —
Не посоветует никто.
Вдали трамвай простучал жестко.
А я все жду, и жду, и жду.
Вдруг — ты!.. Бежишь по перекрестку
У постового на виду.
И вCD-то снегом опушило,
И вCR лучиста, как всегда.
И важно то, что ты спешила,
Что опоздала — Не беда.

* * *

У лодчонки — узкая корма.
У девчонки по платку — кайма.
А девчонка — самые лета,
Чье-то гореванье и мечта.
В песенке, плывущей вдоль реки,
Чудится касание руки,
И журчанье родниковых струй,
И несмелый первый поцелуй.
Быстрый, зоркий ястреба полет.
Пой, девчонка!

И она поет.

Льется тихий свет над Кабырзой,
И не пахнет никакой грозой.

В этот солнечный день неуместною
 кажется.
 Хорошо, что зовут — а зовут
 неспроста —
 Этот лес, этот дол, дальше —
 тихая пасега.
 Хорошо, что любимые с детства
 места
 Привечают как сына тебя,
 а не пасынка.
 Впредь, каким бы ты холодом
 ни был продут
 И какая бы слякоть ни папа
 на пажити,
 Знаю я: дни остуд отойдут,
 пропадут,
 А в м этот навеки останется
 в памяти:
 Хлебно-ягодный дух на отрадной
 земле,
 Так просторно кругом, ошрнно,
 рябиново.
 И орут петухи где-то
 в близком сене,
 И на небе ни облачка нет.
 Ни единого.

ВЕТРЯКИ

Ах, время, понимаю, тм могло ли
Их сохранить в значении былом.
Они отгрохотали, отмололи,
Теперь сторт. Готовы хоть на слом.
Стоят веками возле сел России.
И каждый остов выветрен и сух.
Они ль не умножали нашу силу,
Они ль не укрепляли русский дух!
Давали детям и калач, и пряник.
Давали жизнь. И каждый божий
день
К ним ехали, как на великий
праздник,
Из всех окольных сел и деревень.
Когда х враги к святой Руси
ломались
Всех орденов, и стягов, н мастей,
То первым делом мельницы
дымились —
Они страшнее были крепостей.
Над ними солнце и гусиный гогот.
Над ними золотые облака.
Стоят ветрянки. Их сломать
не могут.
Нельзя. Не поднимается рука.

НА ТАЕЖНОМ АЭРОДРОМЕ

Жарынь-жара.

Ни дождика, ни грома.

Пока бессилен тут любой приказ.

И раскатилась пыль аэродрома,

Как спорящая очередь у касс.

Алтайки едут с ягодною тарой,

Везет пацан в корзинке двух щенков.

По долинам роскошные травы,
В чаще беличий гон по сучью.
Только мне не забыть переправы
За веселую их толчею.
Тут косынок цветастая стайка,
Тут геолог с тугим рюкзаком
И охотник, и шустрая лайка
Будто дразнит кого языком.
Каждый ищет и верит в победу.
Я в себе ту же веру несу.
Я не просо сейчас перееду
Через бурную речку Мрассу:
Напрягутся канатные жилы,
И на шатком причальном мосту
Я под пройденным и пережитым
Подведу голубую черту.
Будут снова роскошные травы
И устойчивый запах грибной.
Только мне не забыть переправы.
Ни за что не забыть! Ни одной.
Голубое, литое обводье.
Дом паромщика. Тропка в тайгу.
И всегда тебя кто-то проводит
И помашет на том берегу.

* * *

По малину за селенье
Мы уходим напрямиком.
Я готов на край Вселенной
За своим проводником.
Я спросил ее: — Ты шорка?
— Да, тайга мой дом, мой кров.
И косынкою из шелка
Отгоняет комаров.

* * *

Бродим чащею.

Поздно н раео.

Над оврагом — рябиновый свет.

Чуть в сторонке платок твой

багряный

С буйной ягодой слился на нет.

Дремлет чаща спокойно н чутко.

От листвы под ногами пестро.

Просвистела залетная утка,

Обронила в траву синь-перо.

А от северных дальних заимок,

Затомленных в таежном плену,

Неожиданный колкий зазимок

Протянул по овражному дну.

Он протек неудержно н яро

Между сосее, стоящих гурьбой,

Между скатом пологим н яром.

Между мною протек и тобой...

* * *

Сапандр, Сапандр...

Горы с дымкой и с лающим эхом.

Так и слышатся мне соловьи

В поэтичном названии этом.

Думал я: среди горных громад,

Молодые сердца будоража,

Соловьи там гремят и гремят

По всему Салаирскому кряжу.

Только встретился я с тишиной,

И она меня насторожила.

В переулках, большой и смешной,
Останавливал я старожилов.
Прямо спрашивал и намекал,
Соловьи, мол, поют ли ночами?
А они удивлялись слегка
И в ответ пожимали плечами.
Лишь у дома, где нечему цвести,
Где деревьев совсем было мало,
Мне девчонка ответила: «Есть.
Я сама его слышала в Мае.
Было звездно и было темно.
Все цвело, месяц был на ущербе.
Он ко мне прилетел под окно
И запел, заливаясь, на вербе.
Только дед разозлен этим был,
Он сказал: «Греховодные птицы».
И на завтра все вербы срубил,
Чтобы негде им было ютиться...»
Я гостил у тебя, Салаир.
Не проеду и в будущем мимо.
Как поют там твои соловьи,
Мне услышать необходимо.
Есть они. Я пойду за реку,
Я все горы шагами измерю.
Я не верю тому старику,
А улыбчивой девочке верю.

УМЕЛЬЦЫ

Чтобы от зорних пересверков
Горела, как из янтаря,
Четыре деда чинят церковь
Прилуцкого монастыря.
Не для того, чтоб в ней молились
До шишек-синяков на лбу,
А чтобы, рты раскрыв, дивились
На старорусскую резьбу.
Все тешут, пилят да строгают.
И так строгают — и те дам! —
Ручьи соленые стекают
По четверем по бородам.
У них не техника всеильная,
У них не камень да раствор,
А лишь береза да осина,
Рубанок быстрый да топор.
И я смотрю, как в стружке вязкой,
Из-под простого топора
Выходит маковка, как сказка,
Как песенка из-под пера.

* * *

В. Измайлову

1

**Тащился катер епе-епе,
Скрипел, перхап в дыму густом.
На баке — гап сплавной артели,
Речник подвыпивший с шестом.
Он щупал дно, фарватер края**

«Когда имел золотые горы»

Играаа хрипящая гармонь.

Всю ночь в деревне шла гулянка

И незнакомый люд шумел.

Всю ночь пиликала тальянка

Одно и то же: «Когда имел...»

3

Однажды мы проснулись ночью —

В золе краснели угольки.

Тумана собирались клочья

Над стылым оловом реки.

Спава деревня, спали сосны,

Был тишиною луг примят.

И в этой тишине несносной

Мы вдруг слышали: гремят!

Звон колокольчиков был тонок

То приглушенней, то слышней.

До зорьки мы снимали с донок

Килограммовых окуней.

Пусть говорят: — Мели, Емеля,

Прибавил вес-то для стиха.

Но колокольчики — гремели,

А уж уха была, уха!

Как далеки — тот вечер звездный,
Костер на берегу реки,
В деревне шум гулянки поздней,
Луна, вода — как далеки!
М те та лодочка-тайдонка,
В какой домой гребли вдвоем?
Осиротело сохнут донки
В бауле сереньком твоём.
«Вернись, былое», — сердце молвит,
Но годы катят чередой.
М ты теперь уже не молод,
И я не очень молодой.
Живу, к тревогам привыкая
И груз забот больших неся.
Приходит грусть...
Порой такая,
Что даже высказать нельзя.
Как будто уезжал скорым
В чужие Тенале поля.
И все глядит, глядит с укором
Вослед родимая земля.

* * *

Что-то слишком рьяно
Зной пошел спадать.
Что-то слишком рано
Стало холодать.
Зной СТОРИ в июле,
В сентябре — тень.
Тридцать лет мелькнули,
Как один день.
Тридцать первый начат.
Слышу в тишине —
Обо мне судачат,
Как не обо мне.
Дескать, как не сетуй,
С памятного дня,
Юношам сосед ты,
Пожилым — родня.
Не молва, Не вести,
Сам приметлив тут:
Стороной невесты,
Стороной идут.
Я хому подавленно,
Замедляю шаг —
Уто-то тут неправильно,
Что-то тут не так...

СОДЕРЖАНИЕ

«Вот и опять поосенело...»	6
«Мы знаем очень много...»	8
а за рекой талиновой, за мельницей...»	9
«Жизнь течет...»	11
«Мерзнут ноги, мерзнут руки...» . . .	13
Встреча	14
«Не скажет дорожная лента...»	16
«Из колодца вода льется...»	18
«Год назад стоял такой же вечер...»	21
а за пределами российскими...»	22
«Дом как дом...»	24
«У реки рябина вянет...»	26
«Все наветы, наветы, наветы...» . . .	27
«Дождь перестал, как по указке...» .	28

«Бойся, Анна, слушай, Анна...»	29
Танцы на мосту	31
«Теперь не знаю — в шесть пи. в семь ли...»	32
Фотографии	33
«Мы в детстве смотрели немое кино...»	35
«На обезлюдившей окраине...»	38
«Огни рассыпаны в песу...»	39
«Мы шли таежною тропой...»	40
«Иду большой, иду неловкий...»	42
«Ах, что со МНОЮ, что со мною?..»	43
«Сторона любимая, приметная...»	44
Родник	45
«Нет, наблюдать не любишь ты...»	47
«То частый лес, то чисто попе...»	48
«Изба моя, приветь меня...»	49
«Я слушать никогда не усгаааа...»	52
«Его я помню с самого детства...»	54
«Крутой подъем...»	55
«У станции цветов — каких угодно...»	57
«Устав от ветровых погудок...»	58
«Как вихрь, лечу с горы На дно до- лины...»	60
«В чистом попе, где земля проста...»	62
Кабырза	63

«Не думать ни о чем теперь бы...»	65
«Ветер веет, не слабеет...»	67
«За речкою — подать рукой...»	67
«Он нас встречал ворчливо...»	72
Старые плотники	75
«Будет тихо и туманно...»	77
«Там, где воды и ветра сшибка...»	79
Водопад	80
«То ли вьюга будет мечь...»	81
«От туманного молозива...»	82
«В двенадцать лет мальчишкам редко...»	83
Песнь о хлебе	86
«Запорошило снегом плечи...»	88
«У лодочки — узкая корма...»	90
«Ну и день на простой бегалой земле...»	91
Ветряки	93
На таежном аэродроме	94
«По долинам роскошные травы...»	96
«По малину за селенье...»	97
«Бродим чащею...»	99
«Салаир, Салаир...»	100
Умельцы	102
«Тасился катер еле-еле...»	104
«Что-то слишком рьяно...»	108

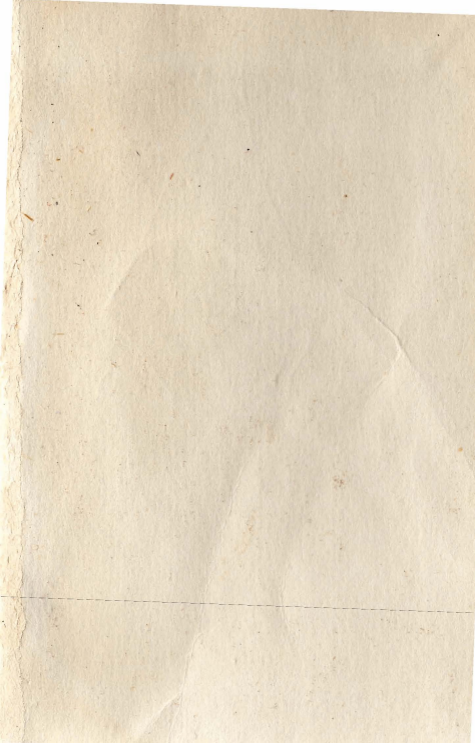
Баянов
Виктор Михайлович

ГОСТЬ

С Т И Х И

Редактор *Л. В. Глебова*
Художник *Г. Н. Кравцов*
Художественный редактор
Д. М. Мурсалимов
Технический редактор
Г. В. Адова
Корректор *Е. Н. Тимощук*

Сдано в набор 19.IX.1975 г.
Подписано к печати 23.IX.
1976 г. Формат 60×90¹/₆₄. Бу-
мага мелованная. Печ. л.
1,75. Уч.-изд. л. 2,96. Тираж
5000 экз. ОП00580. Цена 69
коп. Заказ 9827. Кемеров-
ское книжное издательство.
Кемерово, 59, Ноградская, 5.
Кемеровский полиграфкомби-
нат, Кемерово, 59, Ноград-
ская, 5.

60 к.

КЕМЕРОВО 1978